
ДОБРАЯ ЗИМНЯЯ СКАЗКА
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ
Станция,
где всегда без
двадцати двенадцать
Полустанок
О прощении,
о второй попытке
и о том, что
двадцати минут
хватает на всё,
если не тратить
их на обиды.

Милана Панова

Станция, где всегда без двадцати двенадцать

https://litres.ru/74747523
SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцатого декабря поезд «Москва — Котлас» намертво встаёт в метели посреди леса. Сквозь снег мерцает огонёк, и девять пассажиров идут на свет. Там стоит маленькая станция с самоваром, рыжим котом Семафором и хозяйкой Фросей, которая будто ждала именно их. На этом полустанке находятся вещи, потерянные с сожалением, а письма доходят без марок. За одну ночь можно успеть то, на что не хватило нескольких лет. Добрая зимняя сказка для взрослых: о прощении, о второй попытке и о том, что двадцати минут хватает на всё, если не тратить их на обиды.

Содержание

Глава первая. Тридцатое декабря 5
Глава вторая. Свет за метелью 14
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Милана Панова
Станция, где всегда без двадцати двенадцать

Полустанок, которого нет на карте

Добрая зимняя сказка для взрослых

Глава первая. Тридцатое декабря

Лида Корнеева купила билет в половине третьего ночи, сидя на подоконнике с остывшим чаем. Решение пришло не как озарение, а как зубная боль: сначала еле слышно, потом так, что уже не отмахнёшься.

Накануне она закончила последний заказ в этом году — сорок страниц инструкции к промышленным насосам, которую итальянцы написали так, будто хотели, чтобы её никто никогда не прочёл. Лида перевела её за четыре дня и три ночи и в два часа ночи нажала «отправить» с чувством человека, который вынес из дома огромный шкаф и только на улице сообразил, что дверь надо было снимать с петель.

Квартира вокруг была чистая, тихая и совершенно пустая. Не в том смысле, что в ней не хватало мебели: мебели хватало, и даже слишком хорошей. Пустота была другая — та, что водится в домах, где человек бывает только ночью. На холодильнике висел магнит из Лиссабона, на полке стояла чашка из Вены, в шкафу лежал плед из Эдинбурга. Лида вдруг подумала, что вещей у неё много, а историй к ним — почти нет. Она всюду была по делу и ни разу — просто так.

Телефон на подоконнике мигнул. Сообщение от мамы, пришедшее в девять вечера, а она заметила только сейчас: «Лидочка, не забудь поесть нормально. Я в сорок лет тоже думала, что можно питаться кофе, и потом полгода лечила

желудок. Целую. Мама». И всё. Ни слова про Новый год. Ни слова про то, что она опять будет сидеть за столом одна, с телевизором, «Голубым огоньком» и тарелкой салата, который в одиночку никогда не доедается.

Когда Лида в последний раз спросила — в прошлое воскресенье, — как мама собирается встречать, та ответила: «Да как всегда. С телевизором». Потом, помолчав, добавила: «Он хотя бы не перебивает». Вот эта фраза, в общем-то, и купила билет.

Три года она не была у мамы в Котласе. Сначала находились причины — срочный перевод, переезд на другую квартиру, грипп, снова перевод. Потом причины кончились, а привычка не ехать осталась и прижилась, как пыль за шкафом. Их последний разговор с глазу на глаз закончился хлопнувшей дверью. Хлопнула Лида. Ей до сих пор было стыдно за этот звук — сухой, короткий, как выстрел в маленькой прихожей, где на крючке до сих пор висел папин шарф.

Лида до сих пор помнила эту прихожую до последней трещинки: узкую, с линолеумом под паркет, с вешалкой, на которую всегда не хватало крючков, и зеркалом, в котором можно было увидеть себя только по частям — отдельно лицо, отдельно пальто. Папа говорил, что это зеркало развивает воображение.

Папа умер в марте, в тот самый день, когда Лида сидела в Милане на конференции переводчиков и улыбалась в микрофон. Она прилетела через сутки. Мама встретила её на по-

роге, долго смотрела, а потом сказала тихо, без злости, почти устало: «Тебе всегда было куда-то нужнее». Лида могла бы промолчать. Могла бы обнять. Вместо этого она развернулась, и дверь сделала то, что сделала.

Папа проработал на железной дороге сорок один год. Начинал путейцем, закончил мастером участка, и всю жизнь возвращался домой с запахом мазута, мороза и чего-то железного, не имеющего названия. Первым делом он ставил на кухонный стол кулёк «подушечек» с повидлом — всегда одних и тех же, слипшихся в один сладкий ком, — и говорил: «Это вам от дороги».

Маленькой Лидой он занимался по воскресеньям: водил её на станцию смотреть поезда. Они стояли на платформе, держась за руки, и папа объяснял, куда идёт каждый состав и почему у него такой гудок. Про один из них, дальний, который шёл в сторону Урала и никогда не останавливался, он как-то сказал:

— Знаешь, Лидок, на каждой дороге есть полустанок, которого нет на карте. Он нужен тем, кто сбился с пути. Поезд сам к нему не свернёт, а вот человек — может.

— А как его найти? — спросила Лида, которой было семь лет и которая считала, что у всякой загадки должна быть инструкция.

— А его не ищут, — сказал папа. — Он сам зажигает свет. Нужно только не проехать мимо.

Тогда она решила, что это одна из папиных шуток, вроде

«развивающего» зеркала. Теперь, сидя на подоконнике в два часа ночи, она подумала, что человек, который говорит такие вещи, наверное, знает про дорогу что-то такое, чего не пишут в расписаниях.

С тех пор они созванивались по воскресеньям. Говорили о погоде, о мамином давлении, о том, что гречка опять подорожала. О главном — ни слова. Главное лежало между ними, как кот на клавиатуре: вроде мешает работать, а согнать и жалко, и страшно.

Ночью она почти не спала, а утром, тридцатого, собралась за сорок минут. Это была её фирменная способность: она могла уложить в чемодан целую неделю командировки, пока закипал чайник, но не могла ответить на вопрос «Что ты чувствуешь?», даже если ей давали на раздумье три года.

Подарок маме она искала по магазинам почти до вечера. Покупала и возвращала, выбирала и сомневалась. Духи — банально. Плед — у мамы их шесть. Книгу — а вдруг не понравится? В конце концов она купила большую банку хорошего чая и коробку мармелада с яблоком, которого мама никогда себе не покупала, потому что «зачем тратиться». Выходя из магазина, Лида поняла, что подарок ей не нужен вовсе. Нужно просто прийти. Но это слишком трудный подарок, чтобы его завернуть.

Поезд «Москва — Котлас» уходил с Ярославского вокзала в девять пятнадцать вечера. Лида приехала за час, купила в киоске мандарины, которые ей были не нужны, и журнал с

кроссвордами, который был не нужен тем более. На перроне пахло железом, морозом и жареными пирожками. Где-то играла музыка, где-то плакал ребёнок, кто-то кричал в телефон: «Да еду я, еду, не начинайте без меня оливье!»

На соседнем пути гудел поезд на Воркуту, и из его вагонов выгружались люди с огромными клетчатыми сумками, похожие на экспедицию, вернувшуюся с края земли. Молодой человек в пуховике вёз под мышкой ёлку, завёрнутую в плёнку. Бабушка в платке тащила за собой тележку, из которой торчал хвост замороженной рыбы. Лида смотрела на них и завидовала всем сразу — потому что у каждого был адрес, по которому его ждали.

Она нашла свой вагон — седьмой, купейный, — предъявила паспорт и билет проводнице и поднялась по ступенькам в тёплое, чуть душное, пахнущее чаем и дорогой нутро поезда.

Проводница, плотная женщина лет пятидесяти, с короткой стрижкой, внимательно посмотрела на Лиду и сказала:

— Корнеева. Место двенадцатое. Нижнее. Вам повезло, на нижние в праздники не достать.

— Мне просто билет поздно продали, — призналась Лида.

— Вот я и говорю — повезло, — хмыкнула проводница, и непонятно было, шутит она или нет.

В купе уже сидел пожилой мужчина с широкой белой бородой, похожий на капитана дальнего плавания, вышедшего

на пенсию и обнаружившего, что суша ему решительно не нравится. Рядом с ним, занимая полполки, лежал продолговатый чёрный футляр.

— Матвей Ильич, — представился он и чуть привстал. — Не пугайтесь, там не ружьё. Там тромбон.

— Лида. Я не пугаюсь, — ответила она и тут же неловко ударилась локтем о дверь.

Следом вошли двое: девушка в серой шапке с помпоном и высокий парень с рюкзаком. Они поздоровались одновременно, но не друг с другом — каждый смотрел мимо соседа. Девушка сразу полезла на верхнюю полку, парень сел внизу и уткнулся в телефон. Между ними было столько недосказанного, что Лида почувствовала его почти физически, как сквозняк.

— Настя, — сказала девушка сверху, в потолок.

— Олег, — сказал парень, в экран.

Матвей Ильич посмотрел на Лиду поверх очков и едва заметно приподнял брови. Лида так же едва заметно пожала плечами. Так между двумя незнакомыми людьми заключается союз наблюдателей.

Пока поезд собирался с духом, чтобы тронуться, в проходе началась возня. Две сухонькие старушки в одинаковых вязаных беретах, одинаково маленькие и одинаково решительные, спорили о том, чья очередь тащить чемодан.

— Я тащила от самого такси, — говорила одна.

— Ты не тащила, ты держалась за ручку, — отвечала дру-

гая. — Это совершенно разные вещи, Рая.

— Это одна и та же вещь, Зоя, просто в разных руках.

Они были близнецами — это стало понятно сразу, даже не глядя на лица, потому что обе одинаково поджимали губы, когда считали себя правыми. Следом за ними по коридору прошла молодая женщина с рюкзаком на груди и сонным мальчиком, который держал за уши плюшевого зайца и смотрел на мир так серьёзно, будто его назначили проверять, всё ли здесь в порядке.

— Тимофей, — представила мальчика мама. — Тимоша. Мы до Котласа. Я Оксана. Извините за шум, он сегодня весь день задаёт вопросы.

— Какие? — спросил Матвей Ильич с интересом.

— Почему у поезда нет руля, — немедленно доложил Тимоша. — И как он знает, куда ехать, если он не умеет читать.

— Отличные вопросы, — сказал Матвей Ильич. — Я сам над ними сорок лет думаю.

Поезд дёрнулся, качнулся и пополз мимо огней. Москва уходила назад нарядная, мокрая, вся в гирляндах, словно ей тоже хотелось уехать, но билета не досталось. Проводница — плотная женщина лет пятидесяти с короткой стрижкой и голосом, которым можно было бы останавливать составы, — разнесла чай в подстаканниках.

— Галина Петровна, — сообщила она. — Курить в тамбуре нельзя, шуметь после одиннадцати нельзя, грустить разрешается, но без фанатизма.

— А радоваться? — спросил Матвей Ильич.

— Радоваться — сколько угодно. Только посуду потом верните.

Лида рассмеялась впервые за день. Чай был слишком сладкий и пах веником, но она выпила его до дна.

Потом, когда в вагоне погасили верхний свет и остались только тусклые синие лампы над дверями, они разговорились. Не все сразу и не о главном — так, обо всём понемногу, как бывает только в дороге, где никто никому ничего не должен и поэтому говорится легче.

Матвей Ильич рассказывал про свой тромбон. Про то, что называется он «Ленинградец», выпущен в шестьдесят восьмом, звучит как простуженный ангел и за пятьдесят лет ни разу не подвёл.

— Вы музыкант? — спросила Лида.

— Я человек, который сидит в оркестре и дует, когда дирижёр показывает пальцем, — ответил он. — Это большая разница, но я привык.

— И куда вы едете?

— В Котлас, к племяннику. — Он помолчал и добавил, глядя на футляр: — По делу.

Больше он ничего не сказал, а Лида не спросила. Она уже заметила: люди в поездах врут редко, но умалчивают много, и это правильный, хорошо воспитанный вид честности.

Настя на верхней полке делала вид, что спит. Олег на нижней делал вид, что читает. Оба делали вид так старательно,

что Лиде стало их жалко — как бывает жалко двух хороших актёров, которых по ошибке выпустили на сцену в разных спектаклях.

Галина Петровна дважды прошла по вагону с проверкой. Подоткнула одеяло спящему Тимоше. Постучала по замёрзшему стеклу. Сказала зачем-то в пространство: «Дорога — она всё видит». И ушла к себе в служебное купе, где долго горел свет и слышно было, как она с кем-то разговаривает — тихо, вполголоса. Но с кем, если там никого не было?

Ближе к полуночи за окном начался снег. Сначала редкий, вежливый, будто спрашивающий разрешения. Потом он перестал церемониться.

Лида лежала на нижней полке, слушала, как колёса отстукивают одно и то же — «так-так, так-так», — и думала о том, что давно не засыпала в движении. Раньше она любила это. Потом разучилась. Сейчас вдруг вспомнила.

Она уснула, не заметив когда.

Глава вторая. Свет за метелью

Проснулась Лида оттого, что поезд стоял. Не так, как стоят на станциях, — с хлопаньем дверей, голосами и запахом чужих сигарет, — а глухо, всем своим длинным телом, словно огромный зверь лёг в сугроб и решил, что дальше не пойдёт.

Часы на телефоне показывали начало пятого. Сети не было. В купе стало прохладно, и Матвей Ильич, сидя на своей полке в пальто поверх пижамы, задумчиво смотрел в окно.

Она лежала и слушала тишину. Поезд, оказывается, шумит всё время — так привычно, что замечаешь только в тот миг, когда он умолкает. А тут стало так тихо, что Лида услышала, как на верхней полке Настя переворачивается на другой бок, как у Матвея Ильича тикают в кармане часы и как под потолком потрескивает остывающая металлическая обшивка.

— Метель, — сказал он, не оборачиваясь. — Я такую видел однажды, в семьдесят девятом, под Воркутой. Мы тогда двое суток играли в карты и съели всё, кроме колоды.

За стеклом не было ничего. Ни леса, ни неба, ни земли — только белое, вихрящееся, бесконечное. Снег летел не сверху вниз, а во все стороны сразу, и иногда казалось, что он вообще не падает, а поднимается.

В коридоре послышался голос Галины Петровны. Она шла

по вагону и говорила одно и то же в каждое купе, но разными словами, потому что была человеком добрым и не любила повторяться.

— Впереди занос. Тепловоз встал. Отопление на минимуме, экономим. Машинист связывался с диспетчером, чистить пути будут, но не скоро. Одеяла дам. Паники не надо.

— А сколько ждать? — спросил кто-то из соседнего купе.

— Сколько погода скажет. Я ей не начальник.

Из соседнего купе вышли сёстры-близнецы, закутанные в пледы так, что наружу торчали только береты.

— Мы в тысяча девятьсот девяносто четвёртом вот так же стояли, — сообщила Зоя. — Под Ярославлем. Помнишь, Рая?

— Не под Ярославлем, а под Даниловом, — поправила Рая.

— Это одно и то же.

— Это совершенно разные места, Зоя.

— Но стояли-то одинаково.

Матвей Ильич посмотрел на Лиду, и Лида поняла, что они оба сейчас с трудом сдерживают смех.

К шести утра — если это можно было назвать утром, потому что темнота за окном оставалась такой же плотной, — в вагоне стало по-настоящему холодно. Дыхание висело в воздухе облачками. Настя спустилась с верхней полки, закутанная в два одеяла, и села рядом с Лидой. Олег, не говоря ни слова, накинул ей на плечи свою куртку. Она не поблагода-

рила, но и куртку не сбросила.

Оксана принесла Тимошу в одеяле, как большой тёплый свёрток, и посадила в угол. Тимоша не спал. Он смотрел в окно круглыми глазами и шёпотом спрашивал у зайца, не страшно ли ему.

— Нет, — отвечал за зайца он сам. — Мне нормально. Только холодно в ушах.

Лида достала из сумки шапку, которую брала на всякий случай, и натянула мальчику на голову. Шапка оказалась огромной, закрыла ему глаза и нос, но уши согрелись. Тимоша выдохнул из-под неё: «Спасибо, тётя», — и Лида впервые в жизни не нашлась, что ответить. Её никогда раньше не называли тётей. Это слово оказалось тёплым.

И тогда Матвей Ильич сказал:

— Посмотрите-ка туда.

Сквозь метель, где-то справа от путей, мерцал огонёк. Жёлтый, тёплый, неровный — такой бывает у лампы под абажуром, а не у фонаря. Он то пропадал, то появлялся снова, будто кто-то в темноте подмигивал поезду.

Через полчаса в дверях купе возникла Галина Петровна, вся в снегу, с красным лицом и сияющими глазами.

— Значит, так, — сказала она. — Там станция. Метров двести. Здание целое, печка топится, хозяйка зовёт. Машинист говорит: можно пересидеть, пока путь не расчистят. Кто хочет — со мной. Кто не хочет — мёрзнет тут на здоровье.

— Какая станция? — удивилась Лида. — Мы же только

Вологду проехали, тут лес на сто километров.

— Табличку не разглядела, её замело, — отрезала Галина Петровна. — Но печка там настоящая. Это я разглядела.

Пошли вдевятером: Лида, Матвей Ильич с тромбоном, который он ни за что не согласился оставить, Настя с Олегом, молодая мама с сонным мальчиком лет шести, две пожилые сестры-близнецы из седьмого купе и сама Галина Петровна, светившая фонариком. Машинист с помощником остались при тепловозе.

Снег доходил до колен. Ветер бил в лицо так, что приходилось идти боком. Лида потеряла ориентир через десять шагов и держалась за рукав Матвея Ильича, а тот — за ремень Галины Петровны. Огонёк впереди то приближался, то отдалялся, и в какой-то момент Лиде показалось, что они идут уже очень долго, гораздо дольше, чем двести метров.

Они шли, и Лида вдруг поймала себя на странной мысли: ей не страшно. Ей должно было быть страшно — ночь, лес, метель, чужие люди, чёрт знает что за станция. Но страха не было. Был огонёк впереди, он звал, и в нём было что-то такое, от чего хотелось идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.